

Три звезды на мерзлой плите

Мст. Россия. — 1995. — 10 марта. — С. 10.

Не влюблены ли вы?

Прошу мне дать ответ...

Без думы, полноте смущаться.

Или тем более ранняя реплика: «Ну, поцелуйте же! Не ждали? Говорите! Что ж, рады, нет? В глаза мне посмотрите...» А.И. Южин заметит, будто перед ним две Софьи, и то же ощущение возникнет у Остужева и Прова Михайловича Садовского. Ошибка, неточность драматурга? Все нет.

У Грибоедова была в юности ситуация общего детства с его ровесницей, хотя и без всякой влюбленности. Жившая во Владимире ближайшая подруга матери драматурга Наталья Федоровна Лачинова, урожденная Грибоедова, имела дочь Вареньку, которую забирают Грибоедовы в свой московский дом. Собственный — а до этого, непосредственно после свадьбы, молодые жили в наемных квартирах на Спасопесковской площади, где у них родилась дочь Мария, и на Остоженке, где появился на свет сын Павел. Метрическое свидетельство самого драматурга до сих не обнаружено, как и свидетельство о бракосочетании родителей.

Искренняя привязанность к Лачиновым приводит Грибоедова в 1812 году, во время пребывания во Владимире, в их усадьбу — сельцо Суцеево, где памятью о нем остается беседка — пригодный для жилья скромный рубленый домик. Здесь же он находит исцеление у деревенской знахарки Пуховой. По воспоминаниям современницы, «она лечила кого настоями и травами, добрым взглядом и добрым словом. Грибоедов кроме сильной простуды страдал еще нервной бессонницей, и эта удивительной доброты женщина проводила с ним в разговорах целые ночи. Уезжая из Суцеева, Александр Грибоедов хотел с ней расплатиться, но она ответила, что брать деньги за лечение — грех. Если она их возьмет, то ее лечение ему не поможет». Почти родственная расположенность к Вареньке Лачиновой, впрочем, не переросла в серьезное чувство. И все же стоит вспомнить, что первым биографом драматурга станет именно Варенькин сын — Д.А. Смирнов. Образ же Софьи будет связан с другой девушкой.

Отечественная война многое изменила в семье Грибоедовых. В 1814 году умер отец, Сергей Иванович. Московский дом на старом пепелище закончила отстраивать Настасья Федоровна, естественно, не повторяя старого образца, но следуя изменившейся моде и своим не слишком значительным доходам. Сам Грибоедов как будто избегает приездов в старую столицу. Даже раздел наследства отца подписывает в Москве его доверенный. Направляясь в 1818 году на Кавказ, Грибоедов не задерживается у матери. Даже несколько дней становятся для него в тягость. Оказавшись в Москве в 1823 — 1824 годах, он предпочитает дому на Новинском бульваре дом своего полкового друга С.Н. Бегичева, там же заканчивает и впервые читает «Горе от ума». Он скорее гость в пресловутом семейном гнезде.

Но и в таком виде дом не доходит до наших дней. Сравнительно недавно он был снесен и отстроен заново — унылый ношедел, ничем не связанный с историей. Реставраторы даже не пытались восстанавливать типологических интерьеров — им на смену пришла казар-

менная учрежденческая планировка. Надо отдать должное дипломатическим способностям органов охраны памятников истории и культуры: на мемориальной доске нет ничего о пребывании здесь Грибоедова — только портретный барельеф и имя писателя.

Между тем подлинный памятник юности Грибоедова сохранился, хотя находится в плачевном состоянии. Приходская церковь Девяти Мучеников имела трагическую историю. Ее стены прошли через все виды поругания вплоть до совершившихся здесь расстрелов. Возвращенная епархии, она именно в дни двухсотлетия постоянно бывавшего в ней вместе со своей семьей писателя (между прочим, именно ее исповедные росписи позволяют установить возраст Грибоедова и год рождения) оказалась на грани гибели. Занявший непосредственно рядом с церковью старательнейшим образом восстановленный и реставрированный по дворцовым нормам особняк ведущий деятель официального искусства начал возводить буквально вприпрыжку к древнему храму депозитарий для своих произведений. Без соответствующих разрешений и согласований. Вопреки категорическим протестам МГО ВООПИК. Исключая возможность совершения крестных ходов и рискуя обрушением обветшавших и не получающих технической помощи стен.

Кошунство? Да, кошунство. В отношении многострадальных московских храмов. И в отношении Грибоедова. Впрочем, здесь невольно рождается ощущение своеобразной традиции — уничтожения памятников в период юбилеев. Достаточно вспомнить, что дом, где жил и работал над оперой «Алеко» Рахманинов (и где находилась этажом выше квартира Боборыкина) на Воздвиженке был снесен именно в канун юбилея композитора, пышно и со слезой праздновавшегося во всей стране.

И еще одно. В те же дни, в связи с тотальным возвращением старых названий улиц, перестал называться улицей Грибоедова Малый Харитоньевский переулок. Трудно возражать с точки зрения общей концепции. Но почему в таком случае было не вернуть старое название нынешнему Пыжевскому переулку на Большой Ордынке, пусть его переименование приходилось на конец XIX века, — Грибоедовский? И это не случайное совпадение, но память об одном из прямых предков писателя, стрелецком полуголове Иване Федорове сыне Грибоедове. В советские годы исчез и второй переулок с таким же названием, находившийся в районе новой жилой застройки на берегу Москвы-реки, вблизи Новодевичьего монастыря.

Где же, как не в Москве, надо было хотя бы в связи с двухсотлетним юбилеем сказать, насколько крепко связан грибоедовский род именно с древней столицей. Пора внести поправку, что первый предок писателя по материнской линии не Федор Акимович Грибоедов, наиболее ранние сведения о службе которого восходят к 1632 году. Первая перепись Москвы 1620 года называет отца Федора — «государынина сына боярского Акима Грибоедова», имевшего родовой двор «у Покровских ворот, идуци в город, на лево». Под государыней подразумевалась мать Михаила Федоровича Романова — великая старица Марфа.

А служба самого Федора Акимовича заслуживает того, чтобы ее вспомнить. В качестве подьячего приказа Казанского дворца посылается он в 1638 году «для золотой руды». В 1646-м, уже как старый подьячий, служит в Белгороде. В июле 1648-го назначается дьяком в приказ боярина князя Никиты Ивановича Одоевского по составлению «Уложения». Весь 1659 год уходит у него на поездку с князем А.Н. Трубецким в Запорожье на выборы атамана и заключение договора с запорожцами. В 1664 — 1670 годах работает Федор Акимович в Разрядном приказе, составляя, по царскому указу, «Записи степеней и граней царственных», которая выводила Романовых из одного корня с Рюриковичами. Первые 17 глав труда представляли изложение «Степенной книги» XVI века, которые дополнило изложение царствования Федора Иоанновича и последующих царствующих особ вплоть до 1667 года.

Подобных служебных успехов не сумел добиться ни один из его потомков. Тимофей Иванович в петровские годы

Памятник А.С.Грибоедову на Чистопрудном бульваре.

побывал воеводой в Дорогобуже, комендантом в Вязьме, получил договор на поставку пенки в Адмиралтейство. Но пенка оказалась плохой. Вернуть к сроку в казну деньги за нее Тимофей Иванович не сумел, в результате принадлежавшие ему деревни были реквизированы, а сам он умер «от досады». Именно с него и начинаются, по существу, семейные погребения в Хмелите, перешедшей по наследству к прапорщику лейб-гвардии Преображенского полка Алексею Тимофеевичу, а затем к дядюшке писателя Алексею Федоровичу. Финансовые дела последнего были очень запутанными, как свидетельствует хранящееся в ИРЛИ «Дело о взыскании кредиторами денег» с него. Семь кредиторов вынуждены были искать управы на злостного неплательщика у властей. Судя по их свидетельствам, дядюшка одалживал деньги в 1810, 1811, 1812 и последующих годах. Его разыскивали, с него брали подписку о невыезде до уплаты долга. Только собрав с великим трудом часть необходимых средств, он может выехать из поместья, причем предпочитает Москве Петербург. Материальные мытарства продолжают для него вплоть до смерти, наступившей в 1833 году — косвенное доказательство, что не мог Алексей Федорович послушать, как считалось, прообразом Фамусова.

Другая ветвь Грибоедовых, к которой принадлежал отец писателя, не уступает материнской по древности. Начатое в 1792 году «Дело Владимирского дворянского депутатского собрания по внесению в дворянскую родословную книгу Владимирской губернии рода Грибоедовых» имеет в виду внесение семьи в VI часть родословной книги, где фиксировались роды, получившие дворянство до 1685 года. Дед писателя, Иван Никифорович, начал службу 16 лет солдатом в лейб-гвардии Преображенском полку и уходит в отставку в 1758-м в чине секунд-майора. В его послужном списке участие в битвах со шведами при взятии Гельсингфорса и Фридрихсгамма. С военной службы Иван Никифорович переходит на гражданскую в Переславле-Залесском, Арзамасе, откуда он возвращается в родной Владимир «воеводским товарищем с награждением чином коллежского советника». С открытием в 1779 году Владимирской губернии он становится председателем губернского магистрата. Имел Иван Никифорович

НИНА
МОЛЕВА

ВСЕГО три. У подножия памятника Грибоедову на Чистых прудах. Больше телекамера не сумела найти. Кроме этих гвоздик — дежурные слова. Дежурное заседание памяти драматурга. Несколько сюжетов на телевидении, радио, в газетах. И главный праздник, о котором только и стоило говорить, в смоленской Хмелите.

Это стало правилом — переносить литературные торжества за пределы столицы. Лермонтовская Пенза. Тургеневский Орел. Толстовская Ясная Поляна. Грибоедов должен был занять место в общем ряду. Но как быть с самым московским писателем и самой московской комедией, с физической невозможностью даже временного их отделения от древней столицы? И если уж настаивать на выходе в российскую провинцию, то почему Смоленщина и Хмелита, а не Владимирщина? «Мы ленивы и нелюбопытны», — крылатая пушкинская фраза была написана в связи со смертью Грибоедова как обвинение современникам в безразличии к жизненным испытаниям и душевной трагедии удивительного человека. Судя по материалам так заметно промелькнувшего двухсотлетия, любопытство не сумело проявиться, а безразличие... Что ж, оно стало частью грибоедовской судьбы. Может быть, во многом и потому, что «Горе от ума» продолжает касаться слишком глубоких срезов российского бытия.

Любая официальная справка назовет дом на углу Большого Десятинского переулка и Новинского бульвара семейным гнездом Грибоедова, кое-кто — местом его рождения, большинство — владением матери, где прошло детство драматурга. Но — вплоть до 1799 года дом составлял часть городской усадьбы вдовы обер-прокурора Анны Алексеевны Волынской, тетки матери Грибоедова. По завещанию дому предстояло перейти в семью мужа Волынской, но благодаря удачно проведенному судебному процессу дядюшка писателя, владелец Хмелиты Алексей Федорович, завладел усадьбой и спешно перепродал ее в 1801 году сестре Настасье. Подобные родственные сделки в семье были приняты. Отец драматурга, служивший во Владимире по выборам, сумел добиться разрешения на проезд в Москву, где с этого времени и поселилась вся семья. Грибоедову исполнилось шесть лет. Через два года он стал воспитанником Благородного пансиона при Московском университете, в 1806 году студентом, в 1812-м — военным. Больше этого дома ему увидеть не довелось — усадьба сгорела дотла в 1812 году. Родители переселились во Владимир, где с ними провёл весь следующий год тяжело заболевший Грибоедов.

И все же память о доме остается в наследии драматурга. Для всех исполнителей роли Чацкого представлялась необъяснимой неожиданно появляющаяся у их героя при первой встрече с Софьей дружески-покровительственная интонация, которая затем безоговорочно уступает место почтительно-уважительному отношению к героине, ощущению разделяющей обоих дистанции.

Восстановленный дом Грибоедова в Москве.